

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
229

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь редакции),
к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН,
к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН,
к. и. н. Ю. В. ЛУНЬКОВА (секретарь редакции)

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 229 / Ин-т археологии
РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2013. —
236 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0690-8

Настоящий сборник содержит материалы конференции «Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде» (Москва, ноябрь 2010 г.). Публикуемые статьи посвящены проблемам интерпретации погребальных памятников в широком территориальном и хронологическом диапазоне — от Прибалтики до Китая и от бронзового века до Средневековья. Археологические материалы рассматриваются с точки зрения соотношения культа умерших и культа предков. Авторы пытаются определить связь между специфическими формами почитания предков-покровителей семьи, рода, государства и уровнем развития древнего общества.

Второй блок статей посвящен проблемам исследования, классификации и интерпретации археологических материалов различных эпох и территорий.

Сборник привлечет внимание археологов, этнографов, историков древнего мира и представителей других смежных с археологией наук.

ББК 63.4

*На задней стороне обложки изображен
кувшин из Беглицкого некрополя*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Официальный электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

ISBN 978-5-9551-0690-8

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2013
© Авторы, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «КУЛЬТ ПРЕДКОВ, ВОЖДЕЙ, ПРАВИТЕЛЕЙ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ» (МОСКВА, 23–24 НОЯБРЯ 2010 Г.)

В. И. Гуляев

ВВЕДЕНИЕ

КУЛЬТ ПРЕДКОВ, ВОЖДЕЙ, ПРАВИТЕЛЕЙ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

V. I. Gulyaev. Introduction. Cult of ancestors, leaders, and rulers in burial rite

Abstract. All-Russian conference «Cult of ancestry, leaders, and rulers in burial rite» was held in the Department of Theory and Methodics, Institute of Archaeology, on November 23–24, 2010. Researchers from scientific institutions of Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, Chelyabinsk, Barnaul, Abakan, Voronezh, Stavropol, Yoshkar-Ola and Donetsk participated, 29 papers were read. A series of articles on the theme of the conference are published in the issue. They discuss the ancestral cult as a characteristic feature of religious beliefs of many ancient tribes and peoples, closely related but not identical with cult of the dead and burial rite. The latter includes a description of macrocosm (worlds of the living and the dead), but of microcosm as well (burial, village). The route to the nether world led via three principal points: a house – a grave – and a dwelling place of the dead in the other world. The dead (an ancestor) was a mediator between the two worlds, responsible for their relationship and normal functioning of all sectors of cosmos. Manipulations with burials and remains of the ancestors were thought to entitle their successors for exploitation or control over the territory and natural resources.

Ключевые слова: конференция, религия, родовой строй, обожествление, культ предков, погребальный обряд, вождь, правитель.

Почитание умерших или уважительное обращение с их останками свойственно людям всех эпох, начиная с верхнего палеолита. Боязнь вредоносного воздействия мертвых на живых не препятствовала желанию сохранить с ними определенные связи. Из почитания умерших со временем выделился культ предков.

По мнению большинства исследователей, культ предков – наиболее характерная и яркая черта религиозных воззрений многих древних племен и народов Азии, Африки и Америки.

Культ предков, – подчеркивает С. А. Токарев, – исторически вырос, несомненно, на основе патриархально-родового строя... По мере выделения индивидуальной семьи культ предков принимал и семейные формы... Наконец, в связи с укреплением племенных и межплеменных союзов и образованием примитивных государств развился и племенной и государственный культ предков – обожествление предков вождя, правителя, царя... Этот культ тесно связан с родовым и семейным культом предков (разница та, что первый был публичный, а второй – частный, домашний) (Токарев, 1964. С. 119, 133, 134).

Как считают О. Ю. Бессмертная и А. П. Рябинин,

умершие предки часто по-прежнему считались членами рода... и составляли с живущими единую сакральную общину. Прекращение или нарушение правил отправления культа предков рассматривалось как исключение их из общины, приводило к каре с их стороны и к их окончательной гибели. Осуществляя связь коллектива с иным миром, включающим не освоенные живущими природные стихии, предки способствовали подчинению этих стихий потомкам, а также плодородию (Бессмертная, Рябинин, 1982. С. 334).

На определенной стадии развития все земледельческие общины считают совершенно необходимым постоянное вмешательство умерших предков в процесс обеспечения хороших урожаев и благополучия общества в целом. Особое значение приобретало воплощение первопредка и всех последующих предков в вождях и царях, с которыми связывались общеплеменное процветание и стабильность. Таким образом, к «предкам» стали относить не всех покойников мужского (как правило) рода, а лишь избранных (старейшин, вождей, колдунов, шаманов и др.). Постепенно сам факт «обладания предками» становится важной привилегией при завоевании более высокого социального статуса в коллективе, и эту привилегию стремятся передавать из поколения в поколение. Например, в Тропической Африке показателем знатности рода в ряде случаев служит величина генеалогического древа и, конкретно, количество черепов предков в семейном святилище. Самые знатные семьи имели в своих реликвиях до 20 черепов (Традиционные и синкретические религии Африки, 1986. С. 109).

Культ предков в традиционных африканских обществах часто сочетается с культом природы и стихий, а нередко и прямо с ними сливается... Так, готтентоты почитают могущественного духа Хейси Эйбиб. Он выступает одновременно как прародитель всех готтентотов и как владыка дождя, покровитель и податель влаги, растительных продуктов и дичи. У народов с более или менее развитой государственностью предки правителей были обожествлены. Так, Шанго – один из первых правителей йоруба, почитался как бог грома и молнии (Львова, 1984. С. 193).

В древнем Китае в эпохи Инь (Шан) и Чжоу культ мертвых предков превратился в центральный пункт всей религиозно-этической системы местного общества. Обожествленные предки правителей-ванов во главе с легендарным первопредком стали почитаться выше всего и практически заменили собой столь

характерных для других развитых земледельческих народов древности великих богов – покровителей природных стихий. Согласно письменным источникам, виднейшие представители чжоуской родовой знати имели право на определенное число храмов в честь их обожествленных предков. Принесение жертв в этих храмах было регулярной и очень важной церемонией.

В пышных гробницах иньских правителей было найдено множество великолепных изделий из бронзы – утварь, оружие, украшения, боевые колесницы с лошадьми и, что особенно важно, большое количество сопогребенных людей – жен, наложниц, возничих, приближенных, рабов. Все эти вещи и люди, которые при жизни служили правителю, должны были и после его смерти сопровождать хозяина в загробный мир (Васильев, 1970. С. 42–44).

Культ предков тесно связан с культом мертвых и с погребальным обрядом, но не равен им целиком. Погребальный обряд (и, во многом, погребальный культ) включает в себя не только описание *макрокосма* (свой и иной мир), но и *микрокосма* (могила, селение и его округа). Путь в иной (загробный) мир проходил через три главные сакральные точки, отмеченные мифом и ритуалом: дом – могила (как вход в иной мир или граница иного мира) – селение мертвых (предков) в ином мире. Важнейшим локусом на пути в иной мир была могила, откуда вели дороги во все миры, поэтому сами погребальные памятники часто представляли собой модель мира (например, скифский курган). «Другой аспект ритуализации пути в иной мир – заинтересованность коллектива в присутствии там своего члена. Связь с умершим не прерывается окончательно, напротив, она регулярно обновляется по праздникам, когда “духи” возвращаются на землю: они не только воспроизводят священные действия, но и, будучи “агентами” коллектива в ином мире, способствуют подчинению природных стихий коллективу; отсюда роль культа предков во всей жизни общины. Умерший (предок) таким образом оказывается медиатором между *тем* и *иным* миром, способствующим взаимосвязи и нормальному функционированию всех частей космоса» (Петрухин, 1979. С. 13–15).

Много интересных материалов о культе предков собрали этнографы США во время своих полевых исследований 1950–1960-х гг. в горной части штата Чьяпас (Мексика) у современных майя-цоциль и майя-цельталь. В Синакантане – одном из главных центров майя-цоциль – наиболее важными лицами в местном пантеоне были обожествленные предки (*totilme iletik* – «отцы-матери»). Они, по представлениям майя, выглядят как пожилые люди и обитают внутри гор и холмов, в пещерах. Индейцы регулярно приносят духам предков различные дары и устраивают в их честь пышные церемонии. Боги-предки, по местным поверьям, могут и наградить, и наказать человека – в зависимости от его поведения, они охраняют жизнь своих сородичей, приносят плодородие полям, ниспосылают воду для ростков кукурузы и жизненных нужд людей. Но они же и поражают ударами молний отступников и нерадивых, всех, кто не заботится о памяти предков (Vogt, 1966. P. 281–284).

Синакантеки (майя-цоциль) общались со своими богами-предками с помощью больших деревянных «крестов», сооружаемых у подножья и на вершине

каждой горы, где, по представлениям индейцев, обитали духи предков («крест» здесь – имитация «мирового дерева»).

Кроме того, этнографические материалы из Синакантана свидетельствуют о тесной взаимосвязи между указанными священными местами – будь то гора, пещера или источник воды – и единицами социальной структуры: каждая большая патриархальная семья имеет свое святилище, каждый локализованный линидж – свою священную пещеру, колодец, небольшую гору, и т. д. В связи с этим известный этнограф из США Э. З. Фогт предполагает наличие определенной концептуальной взаимосвязи между горами с пещерами как жилищами богов-предков у синакантеков, с одной стороны, и каменными ступенчатыми пирамидами храмов древних майя, имеющих изображения богов-предков (умерших обожествленных правителей) на гребнях храмовых крыш, притолоках храмов и содержащих погребения тех же почитаемых правителей внутри пирамид, – с другой (*Vogt*, 1983. Р. 113, 114).

Вполне естественно, что чем более сложный характер имело общество и чем более высокий статус занимал в нем умерший индивид, тем более пышный по-смертный культ и изощренные ритуалы были связаны с ним (*Coe*, 1965а. Р. 193). Здесь можно напомнить о культе умерших царей и их божественных предков в ряде ранних государств Азии и в доколумбовой Мезоамерике (майя, сапотеки, ацтеки), где сооружались не только пышные царские гробницы (нередко с массовыми человеческими жертвоприношениями), но и величественные заупокойные храмы над этими гробницами. Можно даже сказать, что в древнем Китае (эпохи Инь и Чжоу) и в доколумбовой Мезоамерике (у майя классического периода, III–IX вв. н. э.) культ царских предков превратился в общегосударственную религию (*Гуляев*, 1990. С. 164–183).

И еще один важный момент. Зафиксированные у многих народов и племен древности манипуляции с погребениями предков и их останками (которые так или иначе пытались сохранить: мумификация, копчение, засолка, глиняные по-смертные маски и др.) имеют и вполне материальный аспект – ссылка на могилы предков позволяла человеческим коллективам разного уровня предъявлять права на использование местных природных ресурсов, включая землю (гипотеза 8 Артура Сакса), или контроль над ними. А обращение к авторитету обожествленных предков часто использовалось правителями всех мастей для легитимации своей власти. Особенно данная традиция (включая различные виды мумификации предков) поддерживалась в доиспанскую эпоху в Южной Америке – Эквадоре, Перу и Чили: от культуры Чинчорро на Тихоокеанском побережье (6000–500 гг. до н. э.) до мумий царственных инков в XVI в. н. э. (*Dillehay*, 1995. Р. 1–19).

В целом археологические (здесь берутся лишь погребальные памятники), этнографические и этноисторические материалы, отражающие культ предков, вождей и правителей в древности и средневековье, достаточно велики и разнообразны. Тем не менее остается еще много нерешенных важных проблем и в этой области знания. Например, ряд ученых (С. А. Токарев, Б. И. Шаревская и др.) считают, что культ предков, в его развитых формах, существовал лишь в оседлых земледельческих обществах, а у кочевых племен и народов такого культа либо вообще не было, либо он был представлен очень слабо (в том числе и в погребальном обряде). Мне представляется, что подобное мнение носит

довольно спорный характер, т. к. погребальные памятники (курганы) кочевников-скотоводов раннего железного века Евразии говорят скорее об обратном. Достаточно вспомнить здесь грандиозные курганы высшей скифской знати, где элитные могилы не только содержат фантастические богатства, но и сопровождаются захоронениями коней, слуг и прочих персон.

Есть и другие нерешенные или слабо разработанные вопросы, связанные с культом предков.

Для нас, археологов, очень важно выявить материальное, вещественное воплощение культа предков, и прежде всего в погребальном обряде. Часто встречающиеся в зарубежной и отечественной литературе высказывания о том, что изучение культа предков возможно только по историческим и этнографическим источникам, на мой взгляд, не совсем справедливы. И в качестве аргумента в пользу большой роли археологических данных при изучении культа предков я хочу привести несколько примеров из практики современных археологов.

Очень показательны, к примеру, что археологи в процессе своих исследований часто отмечают факт настойчивого стремления древних людей, хоронивших своих умерших в разного рода могильных сооружениях, сохранить в той или иной форме какую-то духовную связь. Правда, следует подчеркнуть, что речь здесь идет, как правило, только о социально значимых покойниках.

В Западной Мексике, на территории современных мексиканских штатов Найярит и Колима, для захоронения мертвецов во второй половине I тыс. до н. э. устраивали так называемые «шахтные гробницы». Для этого с поверхности земли вырывался глубокий вертикальный колодец-шахта (иногда его глубина достигала 15–16 м), и на дне его в твердом грунте вырубалась одна или две гробницы-катакомбы, куда и помещались умершие с соответствующим инвентарем. Но на этом дело не кончалось. От гробниц вверх часто шла керамическая труба, предназначенная, видимо, для общения с духами покойников. А над устьем шахты возводилось легкое святилище из дерева, прутьев и глины с лиственной крышей, скорее всего, для отправления заупокойного культа предков (Furst, 1975. P. 40–45).

Наиболее полно и ярко данная традиция «духовного общения» потомков с давно почившим почитаемым предком воплотилась в культе древних майя I тыс. н. э. Во многих крупных городах майяской цивилизации над гробницами знатных персонажей (правителей городов-государств) сооружались на пирамидальных основаниях монументальные храмы для отправления заупокойного культа предка-правителя. Связь с душой умершего осуществлялась в них либо через каменную трубу («душепровод», по меткому выражению мексиканского археолога Альберта Руса Луилье), как в гробнице царя в Храме Надписей в городе Паленке, либо через внутреннюю лестницу, как в склепе «Верховного Жреца» в Чичен-Ице (Гуляев, 1990. С. 164–170).

По мере усиления социального размежевания в обществе майя и укрепления власти правителя на первый план в местной религии все более выдвигается поклонение предкам царской династии. Об этом достаточно четко сообщают нам письменные источники XVI–XVII вв. Испанский летописец Хуан де Вильягутьерре Сото-Майор, описывая последнее независимое государство майяицев Тайясаль, уцелевшее в непроходимых лесах Северной Гватемалы до 1697 г., от-

мечает, что в их столице имелось «большое святилище, принадлежащее правителю Канеку и его предкам, которые были когда-то царями в провинции Юкатана» (*de Villagutierre Soto-Mayor*, 1933. P. 387).

«Они, – пишет об индейцах майя п-ова Юкатан Лопес де Когольудо, – поклонялись как богам своим умершим царям» (*de Cogolludo*, 1854. P. 355).

Индеец майя из знатного рода правителей Тутуль-Шивов – Гаспар Антонио Чи – приводит следующие интересные факты о культуре своих предков до прихода испанцев: «И главными идолами, которым они приносили жертвы, были статуи мужей в их естественном обличии, которые были выдающимися и храбрыми людьми и которых они вызывали... чтобы те смогли им помочь в войнах, даровали процветание и продлили их жизни» (*The «Historical Recollections»*... 1952. P. 41). Самые подробные сведения на этот счет мы находим в хронике испанского епископа Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане»:

Что до сеньоров и людей очень значительных, – пишет он о юкатанских майя XVI в., – они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы... В настоящее время бывает, что пепел кладут в статуи, сделанные полыми из глины, если (умершие) были великими сеньорами. Отдельные знатные люди делали для своих отцов деревянные статуи, у которых оставляли отверстие в затылке; они сжигали какую-нибудь часть тела, клали туда пепел и закрывали его; затем они сдирали с умерших кожу с затылка и прикрепляли ее там, погребая остальное по обычаю. Они сохраняли эти статуи с большим почитанием между своими идолами.

У сеньоров древнего рода Коком они отрубали головы, когда они умирали, и, сварив их, очищали от мяса; затем отпиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой и делали их очень похожими (на таких), какими они были (при жизни). Они держали их вместе со статуями, с пеплом и все это хранили в молельнях своих домов со своими идолами, с очень большим почитанием и благоговением. Во все дни их праздников и увеселений они им делали приношения из своих кушаний, чтобы они не испытывали недостатка в них в другой жизни, где, как они думали, почилились их души, и пользовались их дарами (*де Ланда*, 1955. С. 163, 164).

Археологические материалы конца I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. из разных областей территории культуры майя дают ряд прямых подтверждений свидетельствам этноисторических источников XVI–XVII вв. В древнем Тикале (департамент Петен, Гватемала) еще на заре формирования института царской власти, в I в. до н. э., в районе «Северного Акрополя» была сооружена в известняковом скалистом грунте каменная гробница со ступенчатым («ложным») сводом (погребение 85). На полу склепа размерами 2,45 × 1,25 м находился скелет взрослого мужчины, помещенного первоначально в сидячем положении. Он был плотно спеленат какой-то тканью. Череп и берцовые кости ног отсутствовали. На месте черепа лежала великолепная маска из зеленого камня, глаза и зубы которой были инкрустированы раковинами (*Сое*, 1965b. P. 1414). Есть предположение, что маска изображает майяское божество кукурузы. Если это так, то перед нами – погребение какого-то знатного персонажа в маске бога маиса, вероятно

имперсонатора данного божества. Часть костей умершего (череп и длинные кости ног) была изъята спустя какое-то время после захоронения для совершения культовых ритуалов. После окончания погребальных церемоний над гробницей построили легкое святилище из дерева и глины с крышей из пальмовых листьев. Здание стояло на двухступенчатой каменной платформе, оштукатуренной и окрашенной в красный цвет. Это, видимо, один из древнейших образцов заупокойных храмов в равнинных лесных областях майя (Coe, 1965b. P. 1414).

В богатом погребении V в. н. э. в том же Тикале (погребение 48) у захороненного там мужчины отсутствовали череп и берцовые кости ног (Coe, 1965a. P. 29).

В близлежащем городе Вашактуне (Петен, Гватемала) череп мужчины, погребенного в просторной каменной гробнице, был рассечен поперек, и у него отсутствовала передняя часть. Это подтверждает наличие у майя уже в I тыс. н. э. искусственной реставрации голов правителей – обычая, упоминаемого Ландой для Юкатана XVI в. (Гуляев, 1979. С. 160).

Судя по иконографии, особым почитанием у майя в классический период (III–IX вв. н. э.) помимо черепов предков пользовались длинные кости ног. На одной из стел города Агуас-Кальентес правитель изображен с берцовой человеческой костью в руке вместо обычного в таких случаях царского скипетра или иного атрибута власти; это косвенно может говорить о том, что кость предка могла быть неким функциональным эквивалентом канонической инсигнии власти (скипетру, «ритуальной полосе»). Неоднократно в ходе раскопок археологам удавалось найти длинные кости ног человека с изящными резными орнаментами, изображениями и иероглифами. Как правило, это были мотивы, прямо связанные с культом правителя и его предков: царь на троне, мифологические сцены, чудовища подземного царства смерти и т. д. (Luis Franco, 1968. P. 13–23).

Много новых фактов могут дать в этой связи и материалы из раскопок скифо-сарматских курганов Евразии. Например, открытие ритуальных подземных ходов, ведущих к главной могиле, в курганах высшей кочевой знати в Степной Скифии (Болтрик, 2000) и в Филипповском I кургане на Южном Урале (Яблонский, 2010. С. 38, 39). Как выясняется, эти ходы функционировали уже после завершения погребения для каких-то особых ритуалов и «общения» с душами знатных покойников.

Есть интересные гипотезы по поводу «частично разрушенных погребений» (Афанасьев, 2010. С. 45, 46).

Нельзя пройти и мимо мнения А. М. Хазанова и Е. В. Черненко, которые объясняют «вторжения» современников похорон в «царские» курганы Скифии не для ограбления (хотя и этого в древности хватало с избытком), а для получения «фарна» («хварна»), «маны» – божественной силы, содержащейся, как считали ираноязычные кочевники-скифы, в бранных останках знатного покойника (Хазанов, Черненко, 1979).

Учитывая вышесказанное, есть все основания полагать, что Всероссийская научная конференция «Культе предков, вождей, правителей в погребальном обряде», проведенная Отделом теории и методики ИА РАН 23–24 ноября 2010 г., была вполне актуальна и полезна. В ней приняли участие сотрудники различных научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Челябинска, Барнаула, Абакана, Воронежа, Ставрополя, Йошкар-Олы и Донецка, прочи-

тавшие 29 докладов по данной теме. К началу конференции был издан сборник тезисов докладов «Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде» общим объемом 8 а. л. По окончании данного мероприятия было решено издать сборник статей. Однако когда вопрос с финансированием сборника стал откладываться на неопределенный срок, часть докладчиков забрали свои статьи или же вообще не прислали их в Отдел теории и методики. Таким образом, вниманию читателей предлагаются материалы, оставшиеся в портфеле организаторов конференции, которые любезно согласилось издать в одном из своих выпусков руководство КСИА.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е.*, 2010. Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) // *Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде: Сб. тез. докл. М.*
- Бессмертная О. Ю., Рябинин А. П.*, 1982. Предки // *Мифы народов мира: Энциклопедия. М. Т. 2.*
- Болтрик Ю. В.*, 2000. Скифский курган как единый ансамбль // *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. М.*
- Васильев Л. С.*, 1970. Культы, религии, традиции в Китае. М.
- Гуляев В. И.*, 1979. Города-государства майя. М.
- Гуляев В. И.*, 1990. Государственная идеология древних майя (к вопросу о культе царских предков) // *Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. М.*
- де Ланда Д.*, 1955. Сообщения о делах в Юкатане. М.; Л.
- Львова Э. С.*, 1984. Этнография Африки. М.
- Петрухин В. Я.*, 1979. О функциях космологических описаний в погребальном культе // *Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М.*
- Токарев С. А.*, 1964. Религии в истории народов мира. М.
- Традиционные и синкретические религии Африки. М.*, 1986.
- Хазанов А. М., Черненко Е. В.*, 1979. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // *Археологія. Київ. № 30.*
- Яблонский Л. Т.*, 2010. Подземные ходы Филипповских курганов // *Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде: Сб. тез. докл. М.*
- Coe W. R.*, 1965a. Tikal, Guatemala and emergent Maya civilization // *Science. Washington. Vol. 147, № 3664.*
- Coe W. R.*, 1965b. Tikal: ten years of study of a Maya ruin in the Lowlands of Guatemala // *Expedition. Philadelphia. Vol. 8, № 1.*
- de Cogolludo L.*, 1954. Historia de Yucatan. Campeche. T. 1.
- Dillehay T. D.*, 1995. Introduction // *T. D. Dillehay (ed.). Tombs for the Living: Andean Mortuary Practices. Washington, D. C.*
- Furst P. T.*, 1975. House of Darkness and House of Light: Sacred Functions of East Mexican Funerary Art // *E. P. Benson (ed.). Death and Afterlife in Pre-Columbian America. Washington, D. C.*
- Luis Franco J. C.*, 1968. Objeto de hueso de la epoca precolombina. México.
- The «Historical Recollections» of Gaspar Antonio Chi. Provo, 1952.*
- de Villagutierrez Soto-Mayor J.*, 1933. Historia de la conquista de la provincial de el Itza. Guatemala.
- Vogt E. Z.*, 1966. Ancestor worship in Zinacantan religion // *Actas y Memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Sevilla. № 3.*
- Vogt E. Z.*, 1983. Ancient and contemporary Maya settlement patterns: a newlook from the Chiapas Highlands // *E. Z. Vogt, R. M. Leventhal (eds). Prehistoric Settlement Patterns. Cambridge, Mass.*

С. Н. Корневский

ВТУЛЬЧАТОЕ ОРУЖИЕ ИЗ КАМНЯ И КОСТИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ

S. N. Korenevsky. Stone and antler socketed weapons in the burial rite of Maikop-Novosvobodnaya entity

Abstract. The paper presents analysis of weapons from the Maikop-Novosvobodnaya sites – stone axes, hammer-axes, specific beak-shaped pick terminals – and traces their evolution. Generally, stone axes and mace heads are very rare finds, one of them is typical of the Pit-grave culture, some other axes are replicas of metal ones. Stone hammer-axes are also typical weapons of the steppe Pit-grave tribes. Stone picks are characteristic of the Dolinskoe group of the entity, but are unknown on the left bank of the Kuban. Probably, this original weapon had developed from Eneolithic antler picks and dates back to the second part – the end of the 4th mill. BC. Stone axes with bent butt of the Novosvobodnaya group could have been a prototype for the specific stone battle axes of the Kabarda-Pyatigorsk type spread in the North Caucasus in the Middle Bronze Age.

Ключевые слова: энеолит, ранний бронзовый век, оружие, каменный топор, булава, роговой клевец, прототип, погребение.

Втульчатое оружие из камня, кости, меди, бронзы в эпоху неолита/энеолита и бронзовом веке было важным средством рукопашной схватки наряду с обычной деревянной палицей. Во многих культурах европейского нового каменного века и начала эры металлов его категории были представлены каменными булавами, втульчатыми топорами, топорами-мотыгами, топорами-молотами, каменными и костяными молотами, костяными клевцами. Их формы указывают на то, что в ближнем бою акцент делался на нанесение оглушающего или проламывающего удара по голове противника. Втульчатое оружие с древнейших времен входило в состав погребальной утвари, отражая связанную с ним символику общественного статуса человека как воина, военного или иного руководящего лидера. Для племен майкопско-новосвободненской общности (МНО), как известно, были характерны бронзовые втульчатые топоры с коротким обухом (т. н. проушные). Они часто встречаются в захоронениях и могут рассматриваться как особо престижное оружие (Корневский, 2011). Втульчатых каменных топоров, булав, молотов из кости в комплексах МНО найдено очень мало. Цель настоящей статьи рассмотреть эти редкие предметы.

Каменный топор с удлиненным обухом. В могильнике у х. Чернышев, в кургане 1 (основное погребение 4 на галечной выкладке), на уровне древнего горизонта были расчищены следы тризны: кострище, развалы сосудов, один из которых напоминал котел из Нальчикской гробницы. В погребении была деревянная рама высотой 35 см. Скелет в погребении разрушен.

Впускное захоронение 1 кургана 1 было совершено в деревянном срубе на галечной выкладке. Оно содержало комплекс, характерный для круга памятников новосвободненских гробниц западного Предкавказья. В него входили два черешковых кинжала, тесло, долото и два шила, два сосуда с плоским дном. Один сосуд имел угловатое тулово и высокое горло, пролощенный орнамент в виде косых крестов, второй – две петлевидные ручки на тулове. На уровне древнего горизонта в северо-восточной части кургана найден каменный топор. Авторы раскопок относят его ко времени сооружения основной могилы (*Бианки, Днепровский, 1988. С. 81. Рис. 3, 8*).

Каменный топор из кургана 1 имел подчетыреугольную форму клина и округлый обух (рис. 1, 1). Топор сделан из серпентинита – темно-зеленоватого камня с многочисленными светлыми включениями. Сверление втулки одностороннее. По этим признакам он находит аналогии среди случайных находок топоров степных типов из Прикубанья (рис. 1, 6) – района Кавказских Минеральных вод (Бермамыт, Минводы, Пятигорск) А (рис. 1, 5, 7, 8). В Северном Причерноморье топоры такой формы известны из среднего и верхнего слоев Михайловского поселения в Нижнем Поднепровье (рис. 1, 2, 3) (*Лагодовська, Шапошникова, Макаревич, 1962. С. 133. Табл. XXII*). Таким образом, для Предкавказья каменные топоры с отмеченным выше двухчастным строением клина в целом могут быть определены как ямно-майкопская форма. В. И. Марковин называл их топорами «степных типов» (*Марковин, 1976. С. 195. Рис. 1*). Такие орудия нигде в закрытых комплексах МНО не зафиксированы. Поэтому их можно считать или непрестижным оружием, изготовленным для погребальной практики, или же немайкопским оружием.

Вотивный каменный втульчатый топор, по форме соответствующий бронзовым топорам майкопской группы 2, был найден в насыпи кургана 3 Бамутского могильника. Его находку Р. М. Мунчаев связывает с основным захоронением (*Мунчаев, 1975. С. 304. Рис. 72, 11*). Основное погребение кургана 3 было совершено под каменной насыпью высотой 20 см и диаметром 8 м. Могила имела размеры на уровне древнего горизонта $2,9 \times 2,6 \times 0,4$ м. По краям была деревянная обкладка. Скелет лежал в положении скорченно на боку, головой на юго-восток, и был смещен к стенке. Перед лицевыми костями черепа стояли три сосуда. Захоронение относится к долинскому варианту МНО. Р. М. Мунчаев, автор первой публикации этого топора, справедливо полагает, что он копирует изделия из бронзы.

Топор-молот. В богатейшем комплексе кургана 31 (погребение 5) могильника Клады (*Резепкин, 1991*) среди массы оружия был найден серпентинитовый топор с удлинённым круглым обухом и шляпкой на нем. На обухе вырезан вертикальный выступ (рис. 2, 6). Обушная часть этого орудия наклонена вниз. Этот признак очень интересен, т. к. для категории каменных топоров в основном связан с Предкавказьем. В эпоху средней бронзы здесь получают распространение топоры так называемого кабардино-пятигорского типа со скошенным вниз обухом и шляпкой. Скорей всего, в рассматриваемом комплексе найден их прототип.

Появление шляпки на обухе – факт достаточно любопытный. Вероятно, такая деталь служила неким украшением тыльной стороны топора и свидетель-

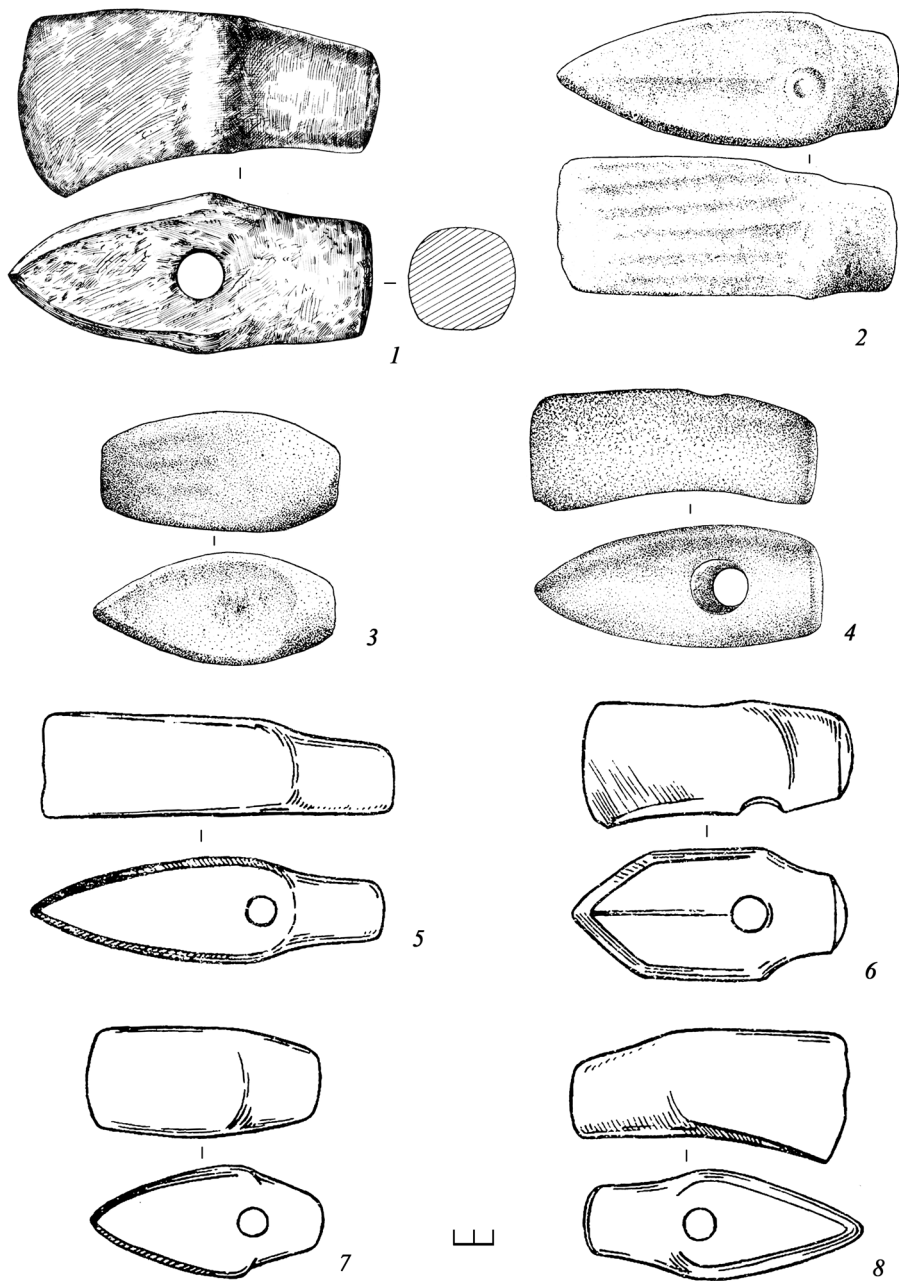

Рис. 1. Топор из кургана у х. Чернышев и его аналоги
 (по: Бианки, Днепровский, 1988; Лагодовська и др., 1962; Марковин, 1976)

1 – х. Чернышев, к. 1; 2–4 – Михайловское поселение; 5 – Бермамыт; 6 – Прикубанье; 7 – Мин-
 воды; 8 – Пятигорск

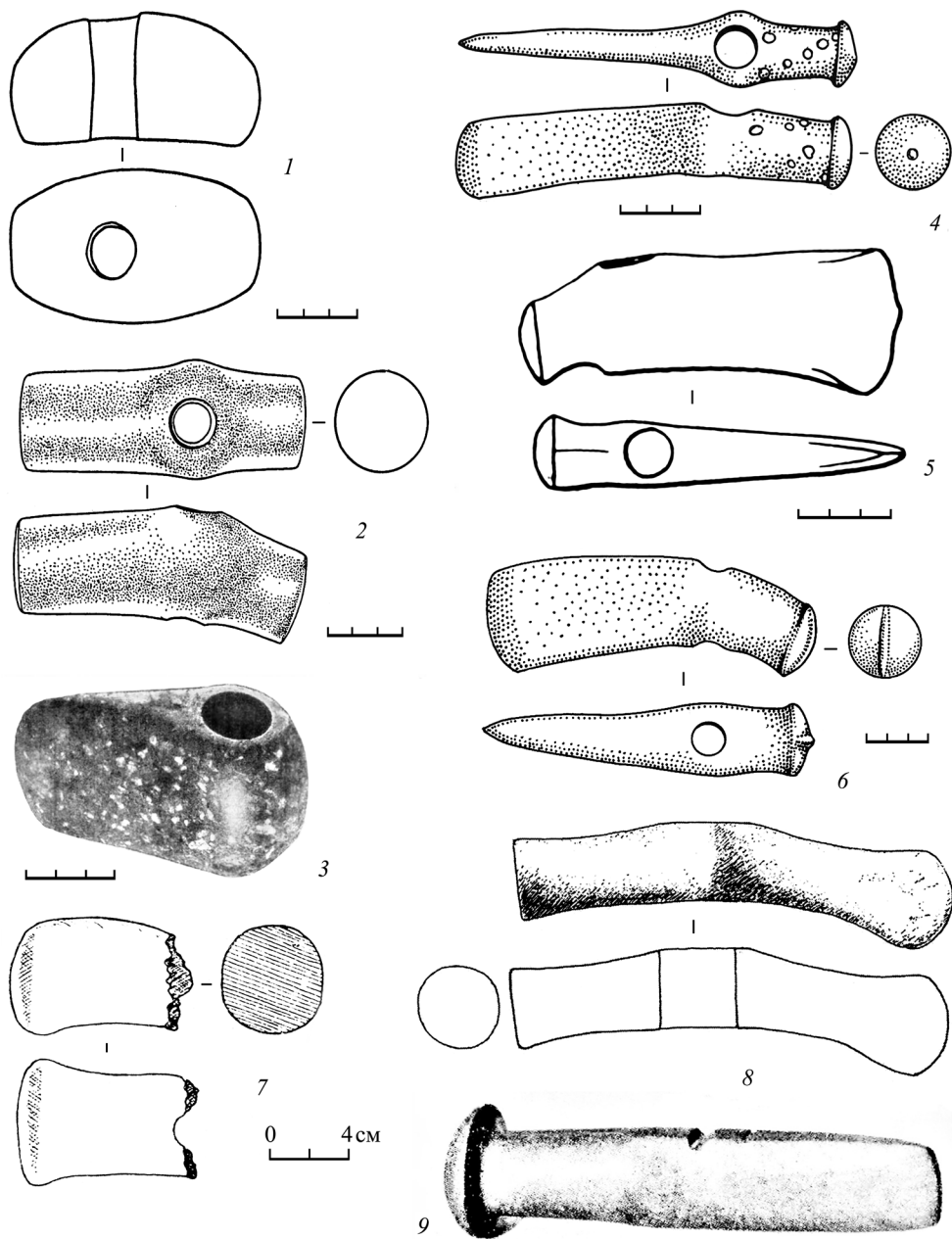

Рис. 2. Молоты и топоры-молоты из камня и бронзы

(по: Резепкин, 1991; Мунчаев, 1975; Бетров, Назоев, 1984; Govedariča B., 2004; Childe, 1969)
 1 – Чишко, п. 2; 2 – Клады, к. 41, п. 1; 3 – Бамут; 4, 6 – Клады, к. 31, п. 5; 5 – ст. Воздвиженская;
 7 – Чегем, к. 21, п. 5; 8 – Фэлчиу; 9 – Tovstrup (Дания, дольменный период). (1–3 – камень; 4, 5 –
 бронза)

ствовала о значимости этой части предмета, может быть, даже магии тупого удара молотом. Практическое значение шляпка с кантом вряд ли имела. Оформление обушной части топора шляпкой имело достаточно широкое распространение. Эту деталь можно увидеть на высоко престижном оружии – бронзовом топоре-молоте из кургана 31 (погребение 5) урочища Клады (рис. 2, 4), топоре-молоте из кургана у ст. Воздвиженской (рис. 2, 5) и на каменном топоре-молоте мегалитической культуры Дании (рис. 2, 9).

Погребение 5 кургана 31 датируется XXXVII–XXXIV вв. до н. э. (4755±80 BP, 3642–3378 BC) (*Корневский, Резепкин, 2008. С. 109–127*).

Категория каменных сверленных топоров имеет полицентрическое происхождение. Для эпохи предмайкопского энеолита в Предкавказье нет сведений о находках каменных топоров из погребений местного населения. Они включаются в состав заупокойных приношений лишь в ранний период бронзового века, и то очень редко. В Дагестане известна находка каменного топора-молота с прямым обухом из поселения Чиркей. Памятник датируется примерно тем же временем, что и гробницы ст. Новосвободной, курган у ст. Псебайской (*Гаджиев, 1991. С. 146. Рис. 34, 23*).

В Европе каменные сверленные топоры-молоты появляются в культуре линейно-ленточной керамики. Затем их производство в виде прекрасных полированных изделий фиксируется в эпоху среднего и позднего энеолита периода Триполье I и в культурном блоке Караново VI – Гумельница – Варна – Коджадермен. В погребальных комплексах восточноевропейского степного энеолита середины – второй половины V тыс. до н. э. их нет. Лишь в составе комплекса новоданиловского типа Фэлчиу на р. Прут в Молдове известен медный топор-молот с круглым в сечении обухом (*Govedariča, 2004. Tab. 8*). Его можно рассматривать как далекий прообраз бронзового топора-молота из новосвободненского комплекса. О местных прототипах каменных топоров майкопско-новосвободненской общности пока говорить трудно.

Каменный молот с круглым сечением корпуса. Каменный полированный молот с опущенным вниз круглым в сечении обухом происходит из погребения 1 кургана 41 в урочище Клады (рис. 2, 2). Аналогов он не имеет. Орудие сконструировано по принципу каменных топоров-молотов, при котором клин всегда длиннее обушной части. Захоронение совершено в слое погребенной почвы на галечной выкладке. Скелет сохранил позицию скорченно на правом боку, руки вытянуты перед грудью. Отмечается сдвиг скелета к стенке. Ориентирован скелет головой на юг. Молот лежал в отдалении от покойного, у восточной стенки. В могиле также найдены крупный плоскодонный сосуд и миска (*Rezepkin, 2000. Taf. 76*).

Обломок костяного молотка найден в могильнике Чегем II, курган 21, погребение 5 (рис. 2, 7). Погребение совершено под каменной наброской в яме размерами 2,5 × 1,8 × 0,5 м. Дно могилы было покрыто белой галькой и усыпано красной краской. Покойный лежал скорченно на правом боку, головой на юго-запад. В состав инвентаря входили бронзовый топор, долото желобчатое, тесло, кинжал, шило, пластина, свернутая в спираль. В восточной части могилы находился обломок костяного молотка (*Бетров, Нагоев, 1984. С. 47. Рис. 13, 16*).